

Женское сердце подобно игле на дне моря, и Цзян Цзинсин мог лишь молча смириться с её противоречивостью.

После непродолжительной паузы, когда раздражение, вызванное её словами, рассеялось, Хунсю с заботой в голосе спросила:

— А как ты, Цзян Лан, прожил эти годы? Хорошо ли тебе было вдали от дома? Хоть слухов о величии Святого всегда хватает, мне всё же хочется услышать от самого тебя, что у тебя всё в порядке.

Их диалог, словно разница между небом и землёй, — беседа между увядающей куртизанкой из Башни Чэньсян и первым человеком Поднебесной, — больше походил на дружескую беседу старых знакомых, встретившихся спустя долгие годы.

В нём чувствовалась горечь быстротечности времени, но больше всего — искренние пожелания и забота.

Цзян Цзинсин, будто вспомнив что-то, рассмеялся без тени сдержанности:

— Очень хорошо, намного лучше, чем раньше.

Он сделал вид, что загрустил, и вздохнул:

— Вот только приходится терпеть опеку своего ученика, и никакой свободы, как у Святого, тут и близко нет.

Хотя он так говорил, в его глазах светилась такая радость, что, казалось, она могла бы переполнить чашу перед ним, до тошноты сладкая.

«Замуж нужно выходить за Цзян Цзинсина».

Тот самый Цзян Лан вернулся.

Хунсю почувствовала, как в носу защемило, и поспешно сделала глоток чая, чтобы скрыть дрожь в голосе:

— Ты передо мной ещё притворяешься? Если бы ты, Цзян Цзинсин, не хотел, кто бы смог тебя удержать?

Цзян Цзинсин вздохнул:

— Тебя когда-нибудь наказывали, заставляя стоять на коленях в родовом храме?

Хунсю раздражённо ответила:

— Другие не знают мою историю, но разве ты, Цзян Цзинсин, не знаешь, что я сирота?

Цзян Цзинсин не обратил внимания на её слова и продолжил, как будто заботливо наставляя:

— Когда тебя наказывают, заставляя стоять на коленях в родовом храме, даже если ты мастер красноречия, разве сможешь объяснить табличкам предков свои обиды и несправедливость? Даже если ты владеешь восемнадцатью видами боевых искусств, разве сможешь разбить таблички восемнадцати поколений предков, чтобы выпустить пар?

Все говорят, что предки в потустороннем мире всё знают, но Цзян Цзинсин был совсем не согласен с этим. Если бы это было правдой, то предки рода Цзян, услышав его болтовню в храме, вероятно, не раз бы воскресли, чтобы остановить его и не дать позорить род.

Хунсю недоуменно спросила:

— Почему твои слова так несвязны?

Цзян Цзинсин, почувствовав, что с ней бесполезно говорить, решил быть прямым:

— Мой ученик — тот самый предок, которого нельзя ни бить, ни ругать. Что мне остаётся делать?

Только угождать и ласково успокаивать.

Некоторые люди, даже если ты обладаешь великой силой и видишь всё насквозь, встретив их, остаёшься с пустым мечом в руках, беспомощным героем.

Хунсю вдруг прикрыла лицо рукавом и рассмеялась:

— Твой ученик — это, наверное, тот молодой человек в красном, что был с тобой вчера? Он выглядит довольно симпатично, ничуть не хуже тебя в молодости, только его обаяние другое. Он не так нравится девушкам, как ты, и рядом с ним легко почувствовать себя некрасивым.

Цзян Цзинсин:

— ... Разве я сейчас не молод? И не смей за ним ухаживать.

Хунсю, казалось, что-то поняла. Она смеялась так, что едва могла стоять, чуть не падая:

— Цзян Цзинсин, мы тогда и представить не могли, что ты, всю жизнь остававшийся свободным и непривязанным, в конце концов споткнёшься о своего ученика.

Небесное Дао любит повторяться.

Цзян Цзинсин, чувствуя себя виноватым, не нашёл, что ответить, и лишь через некоторое время бросил:

— Что я могу поделать?

Когда сердце захвачено, невозможно сопротивляться.

Наконец Хунсю перестала смеяться так бурно. Она ахнула, подняла руку, чтобы поправить шатающуюся шпильку в волосах:

— Я многое видела в этом доме, но когда ты говоришь о своём ученике, ты становишься другим. Блеск в твоих глазах нельзя скрыть.

Цзян Цзинсин с облегчением сказал:

— Пожалуйста, сохрани это в тайне, не говори никому.

Хунсю сразу согласилась:

— Сколько секретов я хранила в этом доме, и ни разу не проронила ни слова. Тем более, если это касается тебя, Цзян Лан. Подожди, это совсем не похоже на тебя, Цзян Цзинсин.

— Я боюсь, что он меня возненавидит.

Хунсю на этот раз засмеялась ещё громче, даже схватилась за грудь, словно ей не хватало дыхания, и не смогла встать, чтобы проводить Цзян Цзинсина, когда он уходил.

Одна из служанок робко подошла к нему и протянула книгу:

— Это госпожа велела передать вам, сказала, что, возможно, пригодится.

Цзян Цзинсин даже не взглянул на неё, но сразу понял, что внутри находится что-то развратное.

Он тихо пробормотал:

— Ваша госпожа хочет меня убить.

Служанка не расслышала и с недоумением посмотрела на него.

Книга превратилась в прах в его руках, и Цзян Цзинсин спокойно сказал:

— Передайте вашей госпоже мою благодарность за её доброту. И также передайте, что в этом доме нет книги, которую я бы не видел.

Служанка вернулась в комнату и увидела, как Хунсю смеялась до слёз, растрёпанная, с размытым макияжем и наполовину распущенными волосами.

Давно она не видела, чтобы госпожа была так счастлива.

С другой стороны, Цзян Чанлань был на грани слёз.

Он тихо сказал:

— Тётя, я могу отказаться от положения главы семьи. Главы семьи Цзян всегда были учёными, я не хочу нарушать традиции. Мои военные заслуги принесут семье Цзян не меньше пользы.

— Замолчи! — Императрица Цзян резко подняла глаза, и в её взгляде появилась холодность. — Ты думаешь, ты Се Жунцзяо? Се Жунцзяо отказался от титула наследника, потому что за ним стоит Святой. Даже если он не будет членом семьи Се, благодаря имени Святого все будут ему улыбаться. Кроме того, Се Жунхуа — человек великого таланта. Ты вырос вместе с твоими братьями и сёстрами, можешь ли ты назвать хоть одного, кто смог бы взять на себя ответственность?

Цзян Чанлань отчаянно пытался возразить:

— Спокойное управление тоже может быть успешным.

Императрица Цзян громко хлопнула по столу, и крышка чайной чашки подпрыгнула, издав звонкий звук:

— Глупец!

Она подняла глаза, и в них вспыхнул холодный блеск, затмивший её обычную мягкость:

— Если бы это было мирное время, и семья Цзян, как одна из Четырёх Фамилий, была бы богата и могущественна, разве я бы заставляла тебя?

Но времена изменились. Хотя я сейчас сижу на троне императрицы и выгляжу величественно, Цзи Хуан мечтает сбросить меня с этого места. Он не может сделать это напрямую из-за приличий и сыновней почтительности, поэтому семья Цзян — лучший повод для него.

Цзян Чанлань несколько раз хотел поднять голову, но каждый раз опускал её, ничего не говоря.

Императрица Цзян смягчила голос:

— А-Лан, раньше, если бы ты хотел пойти в армию, я бы сама остановила твоего отца и собрала бы тебе вещи. Семья Цзян из поколения в поколение рождала учёных, я понимаю твоё искреннее желание, но в глазах других это выглядит как злой умысел. Как только Цзи Хуан укрепится на троне, он может использовать тебя, чтобы нанести удар по семье Цзян.

Цзян Чанлань молчал.

Императрица Цзян, видя это, тоже почувствовала боль. Она горько сказала:

— Внутри я остерегаюсь Цзи Хуана, а снаружи Северная Чжоу находится в шатком положении. Это страна, которую покойный император создавал с огромными усилиями, и он доверил мне её часть. Как я могу позволить себе разрушить отношения с Цзи Хуаном и довести дом Чжоу до полного краха, чтобы другие воспользовались этим?

Цзян Чанлань хрипло ответил:

— Я уже не ребёнок, тётя, тебе не нужно мне это объяснять, я понимаю.

Жизнь и честь аристократа связаны с его семьёй.

Богатство и слава даруются семьёй, и если семья падёт, то, если ты не такой выдающийся, как Цзян Цзинсин, ты станешь бездомным псом.

Всё должно быть подчинено интересам семьи.

В сердце Цзян Чанлани поднялась волна печали.

Будет ли он когда-нибудь учить своих потомков тому же?

Эта мысль всплыла в его голове, и Цзян Чанлань почувствовал себя так, будто он один стоит на поле битвы, окружённый тысячами вражеских солдат, без поддержки, с мокрой от пота одеждой, и не может пошевелить ни одним пальцем.

В глазах Императрицы Цзян было много того, что Цзян Чанлань не мог понять, но в конце концов она ничего не сказала, и всё вернулось к спокойствию. Она улыбнулась:

— Через пару дней семья Цзян будет проводить Малое Собрание Ароматов. Хоть оно и не такое грандиозное, как Собрание Ароматов, это всё же важное событие, и ты должен показать себя с лучшей стороны.

Когда Цзян Чанлань ушёл, она опустилась на кушетку и горько усмехнулась:

— Когда я была молода, император Чэн был на троне, и Цзи Хуан уже родился. Если бы не чудесный удар меча Цзян Цзинсина, покойный император, как младший брат императора Чэна, никогда бы не смог взойти на трон. Я мечтала стать чиновником и оставить своё имя в истории, но отец заставил меня выйти замуж за покойного императора, и я была не рада.

Женщина-чиновник со спокойным выражением лица утешила её:

— Разве ваше величество не достигли великих успехов? Во всём мире, даже среди мужчин, трудно найти того, кто превзошёл бы вас.

— Но всё же это не то, чего я хотела. — Императрица Цзян взглянула на своё отражение в хрустальной чаше, где её черты, смягчённые временем, выглядели изящно и нежно. — Отец связал меня семейными узами. Тогда я в душе поклялась, что если у меня будут дети, я не позволю им быть скованными этими проклятыми семейными обязательствами. Но сейчас, спустя столько лет, это я использую эту проклятую вещь, чтобы связать А-Лана, которого я люблю, как собственного сына.

Женщина-чиновник опустила голову, не смея говорить больше. Эти слова Императрица Цзян могла произнести, она могла жаловаться, но не для неё, простого чиновника, было комментировать это.

Императрица Цзян смотрела сквозь витражное окно на осенний пейзаж в коридоре и с глубоким вздохом произнесла:

— Как долго это будет продолжаться из поколения в поколение?

<http://bllate.org/book/16198/1453783>